

Н.К. Солошенко-Заднепровская

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НАСЛЕДИЯ А. ПУШКИНА В РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ Д. САМОЙЛОВА

Выдающийся русский поэт, переводчик, критик Д. Самойлов (1920 – 1990) принадлежит к поэтам военного поколения, однако его творчество отразило искания советской поэзии 1960-х – 1980-х гг. Создатель произведений, любимых читателями, – «Сороковые-роковые...», «Перебирая наши даты...» и др., – он сам осознавал себя поэтом «поздней пушкинской плеяды», сознательно «творившим, не покидая пушкинского канона» (А. Чернов). Произведения поэта неоднократно становились объектом внимания критиков и исследователей, о его поэзии написана монография В. Баевского «Давид Самойлов. Поэт и его поколение» (1986), однако и по сей день роль А.С. Пушкина в его творчестве не получила всестороннего осмысления.

Это связано, вероятно, с тем, что наследие поэтов того поколения сегодня не вызывает интереса читателей и давно не привлекало к себе внимания исследователей. Между тем характер осмысления Д. Самойловым наследия А. Пушкина в поэзии, критической и дневниковой прозе, монографии по стиховедению, несомненно, свидетельствует о развитии пушкинской традиции в русской литературе XX в. в целом. Созданный Д. Самойловым образ А. Пушкина в стихотворениях, размышления о нем в критической и дневниковой прозе, в переписке существенно отличались от образа поэта как борца или поэта как жертвы, присущего советской литературе тех лет.

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что к настоящему времени пушкиниана Д. Самойлова не осмыслена, без чего трудно установить подлинное место А. Пушкина в русской поэзии XX в. и оценить то влияние, которое оказывал художественный опыт поэта на ее развитие. Без изучения такой важной и оригинальной страницы истории поэзии середины XX в. представление о ее своеобразии будет неполным. Исследование этой проблемы может способствовать и воссозданию целостной картины литературного развития той поры.

Цель статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать особенности восприятия Д. Самойловым личности и наследия А. Пушкина в некоторых его ранних стихотворениях.

Творчество Д. Самойлова привлекало к себе внимание критики с той поры, когда начали выходить в свет его первые произведения. С течением времени закрепилось представление о нем как о выдающемся русском поэте. Уже в рецензии на книгу стихов «Ближние страны» (1958) С. Поликарпов отмечал, что сформировавшийся в годы войны поэт демонстрирует в своих произведениях умение «через частное осмысливать и показывать общезначимое» [3, с. 211]. Выделяя из всей книги стихи на исторические темы, рецензент писал, что «они наполнены глубоким раздумьем о судьбах народа,

России на разных этапах исторического пути. Стихи волнующе эмоциональны, написаны живым, упругим языком, динамичны» [3, с. 211]. Правда, к слабостям этой ранней книги Д. Самойлова автор рецензии сразу же отнес то, что впоследствии будут так ценить любители его поэзии: «Иногда он, сам того не замечая, уходит в узкий, камерный мирок, <...> и голос его не находит нужного отклика в душе читателя» [3, с. 212]. Такая оценка, думается, была продиктована временем, когда более всего ценилась в поэзии социальность.

Сходное мнение находим и в рецензии И. Михайлова, который полагал, что молодой поэт «не всегда самостоятелен. На его стихах можно найти отпечатки самых разнообразных влияний. Но выбор учителей сам по себе характерен для ученика. Д. Самойлов идет путем исканий, наиболее непроверенным путем. Но интересные находки, сделанные им на этом пути, уже налицо» [2, с. 189]. Рецензент не стал раскрывать это наблюдение, однако нам думается, что им отмечено усвоение поэтом достижений прежде всего, русской классики. На выход в свет книги «Ближние страны» откликнулся и В. Кардин, который обратил внимание на долгое молчание Д. Самойлова. Его «не было в числе поэтов, – писал рецензент, – заявивших о себе повоенными сборниками. Потребовались годы, чтобы обрести свое место в поэтическом строю» [1, с. 249]. Высоко оценивая стихи о войне, рецензент также отмечав» как достоинство книги публикацию «Стихов о Царе Иване». Вот как он интерпретирует это произведение: «Но кроме кровавой правды царя, есть й правда Ваньки-холопа. Не пришел еще час мериться этими правдами. Но мирі между ними не будет. "Бог разберет", чья выше, и всегда ли цель оправдывай! жестокость царя. Нет, не бог. Весело раскачивает колокола молодой звонаре, оповещая Русь о смерти Ивана. И от этого перезвона не по себе боярам, гадающим о престоле. В колокольной меди слышится призыв вольницы на Дон, призыв к смуте» [1, с. 250]. Видимо, рецензент имел в виду, что «час мериться силами» придет лишь в XX в., уже в пору строительства нового общества. Нам же думается, что речь должна идти о пушкинском осмыслении истории, взаимодействующих в ней мощных социальных силах, когда воля царя все же определяет историю России, а вовсе не холопа. Но автор рецензии склонен полагать, что в книге «неистребимость народной мечты о свободе и справедливости, – вот что дороже всего поэту, когда он воскрешает страницы минувшего» [1, с. 250]. В этой рецензии, как и в других откликах современников поэта, отмечаются слабости книги стихов, к которым отнесена «соблазнительная мудрость рифмованного афоризма» из прекрасного стихотворения Д. Самойлова «Мост». Оно несомненно связывает творчество поэта с лирикой футуризма.

Анализ критической литературы о творчестве Д. Самойлова показывает, что современники поэта ясно ощущали связь его поэзии с пушкинским наследием. Сам поэт называл себя представителем «поздней пушкинской плеяды», и в рецензиях на его книги стихов об этом неоднократно говорилось. В исследованиях отмечалась приверженность поэта пушкинской теме,

проанализированы стихотворения, в которых функционирует пушкинское «слово», создается его образ. В ряде проблемных статей (Ст. Рассадин, В. Баевский) пушкинская тема, его историзм представлены как неотъемлемая составляющая художественной системы поэта.

А. Чернов полагал, что пушкинская тема возникает у поэта «с 1956 года, с широко известного: "Я – маленький, горло в ангине. За окнами падает снег. И папа поет мне: "Как ныне сбирается вещий Олег..."» [6, с. 45]. Нам думается, что отсчет следует вести все же с еще более раннего времени, со стихотворения «Начало зимних дней...», вошедшего в состав книги стихов поэта «Ближние страны (1938 – 1958)». Его первая строка – «Прекрасная пора – начало зимних дней» – истолковывается А.Н. Трещачко как пушкинская реминисценция. Как известно, обычно поэты вводят в собственные стихотворения реминисценции из текстов близких себе предшественников или современников. Функция реминисценции состоит в том, чтобы напомнить о некоем тексте, вызвать у читателя ассоциацию с ним. На наш взгляд, Д. Самойлов не только напоминает о пушкинском «Унылая пора! Очей очарованье!», что задает тему стихотворения, но и вступает с великим предшественником в диалог. Оба произведения относятся к пейзажной лирике, в обоих лирический герой заморожен красотой предзимнего пейзажа. У Пушкина отношение к нему выражено не только самим описанием природы, готовящейся к зиме. Лирический герой признается: «люблю», «приятна мне». В стихотворении представлена роскошь природы: «пышное увяданье», «В багрец и в золото одетые леса». У Д. Самойлова эта «пора» года не «унылая», а «прекрасная»: «нет времени яснее и нежней» [5, с. 31]. Поэт разворачивает картину готовящейся к зиме природы:

Черно-зеленый лес, с прожилками берез,
Еще совсем сырой, мечтающий о снеге.
А на поле – снежок и четкий след колес:
В ходу еще не сани, а телеги.
В овраге двух прудов дымящиеся пятна,
Где в белых берегах вода черным-черна [5, с. 31].

То, что у Пушкина является пейзажной зарисовкой, – картина природы набросана штрихами, подробно не прописана, – у Д. Самойлова разворачивается в описание сельского пейзажа накануне зимы. Состояние лирического героя передано отчетливо и ясно: «Стою и слушаю: какая тишина, / Один лишь ворон каркнет троекратно / И, замахав неряшливым крылом, / Взлетит неторопливо над селом...» [5, с. 31]. В стихотворении возникает неожиданное соотнесение пейзажа средней полосы России с картинами экзотической природы: «Люблю пейзаж без диких крепостей, / Без сумасшедшей крутизны Кавказа, / Где ясно все, где есть простор для глаза», и, наконец, сравнение с человеческим чувством: «Подобье верных чувств и сдержанных страстей» [5, с. 31]. Можно высказать предположение, что, отсылая к пушкинскому интертексту, поэт в финале стихотворения дает сигнал

о том, что состоянию его героя ближе именно этот, а не «кавказский» текст Пушкина. Молодой поэт несомненно вступает в диалог с Пушкиным, описание предзимнего пейзажа дает возможность выразить восхищение картиной природы и чувства ее созерцателя, сопоставляющего ясность и простор с человеческим чувством.

Для Д. Самойлова Пушкин был неотъемлемой частью русской поэзии, однако ощущение пушкинской традиции у каждого из поэтов его поколения, конечно, было индивидуальным. Несколько позднее, обобщая, младший современник поэта, Е. Евтушенко в известном стихотворении «Поэзия – великая держава» прямо очерчивает круг традиции, охватывающей поэзию того времени: «... Поэзия, твоя столица – Пушкин» [5, с. 146]. Однако, думается, в стихотворении «Начало зимних дней» проявилась особенность: «полуцитата» и «обрывок интонации» задали тон произведения, но его содержание совершенно самостоятельное, «самойловское». Не случайно в те же годы было написано стихотворение, как будто бы продолжающее «Начало зимних дней». Оно начинается словами: «И так бывает...»:

И так бывает – в день дождливый,
Когда все сыро и темно,
Просветом синевы счастливой
Среди туч откроется окно [5, с. 36].

Оно, как видим, свободно от пушкинской интонации, зато развивает мысль предыдущего стихотворения Д. Самойлова.

Во «Втором перевале (1958 – 1963)» были напечатаны произведения, сделавшие Д. Самойлова известным: «Сороковые», «Перебирая наши даты» и др. Здесь же опубликованы стихотворения, обнаруживающие уже не интонационную связь с пушкинским творчеством, а демонстрирующие осознанное следование традиции. Первое из них – «Старик Державин». В его названии использована часть цитаты из второй строфы восьмой главы «Евгения Онегина»: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил» [4, с. 148]. Однако цель, с которой Д. Самойлов использовал это устойчивое словосочетание, становится ясной из всего пушкинского поэтического контекста, а не только из второй строфы. Муза у молодого Пушкина приходит еще в пору его ученичества, в лицейский период, и первый «успех» был замечен Державиным. Обратим внимание, что в «Евгении Онегине» речь идет не б одном поэте, а о целом поколении, которое «заметил» и «благословил» Державин. Это широко известное толкование мы напомним для того, чтобы воссоздать контекст, в котором цель Д. Самойлова, обратившегося к цитатам и реминисценциям из «Евгения Онегина», станет понятной. Поколение, к которому он принадлежит, родилось в непоэтическое время и для непоэтического предназначения: они были призваны защищать родину.

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...

В эту пору мы держали
Оборону под древней Лодвой [5, с. 56].

Хрестоматийная поэтическая ситуация задает в стихотворении Д. Самойлова особый сюжет. Благодаря синхронизации времени с молодыми бойцами на фронте оказывается старый поэт. Приближаясь к смерти, он во что бы то ни стало стремится передать лиру достойному продолжателю, однако будущие поэты «в тот день ходили на заданье / И потом в блиндаж залезли спать» [5, с. 56].

А ему советовали: «Некому?
Лучше б передали лиру некоему
Малому способному. А эти,
Может, все убиты наповал!»
Но старик Державин воровато
Руки прятал в рукава халата,
Только лиру не передавал [5, с. 56].

Д. Самойлов создает образ старого поэта, который «скучал, пасьянс раскладывал», ожидая завершения боев. Он «что-то молча про себя загадывал», бессонными ночами «бродил в своей мурмолочке», «замерзал»: Был старик Державин льстец и скаред, И в чинах, и разумом велик... [5, с. 56].

Здесь живо переданы черты личности реального поэта Державина («льстец и скаред») и создан обобщенный образ Поэта вообще, который озабочен преемственностью в русской поэзии. Даже в непоэтическое время культуре нужно поэтическое слово и поэты, достойные продолжать великую традицию. Как мы уже отмечали, А.Н. Трещачко интерпретировала это произведение в том смысле, что Д. Самойлов соглашается с Пушкиным по поводу величия Державина и важности поэзии на войне. Нам же думается, что мысль поэта несколько тоньше. Д. Самойлов ушел на войну, воевали и его друзья, среди которых были выдающиеся поэты, например, погибшие харьковчанин М. Кульчицкий или старший друг Д. Самойлова П. Коган. О них поэт говорит в стихотворениях «Пятеро» и «Перебирая наши даты». Потому патриарх русской поэзии в «Старике Державине» оказывается на передовой, а не в тылу, потому и не хочет отдавать лиру «некоему / Малому способному», что именно на фронте оказались лучшие. Он «воровато / Руки прятал в рукава халата» и «лиру не передавал», все же надеясь, что достойный преемник выживет, не погибнет в бою. Не случайно стихотворение завершается такими словами: «Знал, что лиры запросто не дарят. / Вот какой Державин был старик!» [5, с. 56]. Таким образом, широко известное словосочетание из хрестоматийного классического произведения Пушкина дало возможность Д. Самойлову выразить мысль о погибшем поколении, свою горечь от потери настоящих поэтов, которые могли бы достойно продолжать русскую поэтическую традицию.

Еще одну переключку с творчеством Пушкина находим в стихотворении Д. Самойлова «Над Невой». Нам представляется, что в этом небольшом

произведении выражены чувства, близкие к чувствам Пушкина во вступлении к «Медному всаднику». Если в первых двух строфах намечены очертания великого города («в плавных разворотах», «И эти львы, и этот конь»), то в последней ощутима переключка с пушкинским отношением к северной столице:

И плавно прилегают воды
К седым гранитам городским –
Большие замыслы природы
К великим замыслам людским [5, с. 70].

У нас нет оснований утверждать, что в стихотворении Д. Самойлова «Над Невой» есть хоть один случай использования «чужого» слова, однако «граниты городские» напоминают «береговой гранит» у Пушкина, «ограды, зданья» – «узор чугунный» «оград» в «Медном всаднике», а «этот конь» – памятник Петру I. И сами завершающие строки о замыслах природы и человека дают возможность полагать, что речь идет о создании великого города великими усилиями людей. В стихотворении, думается, использован не пушкинский интертекст, а передано сходное отношение к городу. Д. Самойлов как бы дополняет известный текст, обобщает те чувства и мысли, который град Петра вызывал у нескольких поколений. Обратим только внимание, что с Санкт-Петербургом связаны у русских поэтов и другие чувства – неприятие, страх, отвращение. Особенно это характерно для поэзии Серебряного века. Д. Самойлов в своем восхищении городом над Невой, несомненно, присоединяется к пушкинской традиции.

Пушкин занимал в творческом сознании Д. Самойлова важнейшее место. Пушкинская тема возникает у Д. Самойлова уже в первой книге стих «Ближние страны (1938 – 1958)», где начинается диалог с Пушкиным, различных формах продолжавшийся на протяжении всего творческого пути. Пушкинские цитаты, реминисценции, включаемые в текст стихотворений задают тему, развивая которую Д. Самойлов продолжает мысл предшественника или переосмысляет ее, согласно собственному эмоциональному опыту. В этом смысле в русской поэзии середины XX в. ОВ был не одинок. Его современники (Е. Евтушенко, В. Высоцкий, Б. Окуджава, Т. Бек и др.) ясно ощущали пушкинскую традицию, однако продолжали ее своеобразно и индивидуально. В раннем сборнике стихов Д. Самойлова пушкинское присутствует наравне с влиянием иных русских поэтов – Д. Самойлов здесь еще только искал свой стих, ритм, интонацию.

Литература

1. Кардин В. Ясность / В. Кардин // Дружба народов. – 1960. – №3. – С. 249-250.
2. Михайлов И. Поэзия поисков / И. Михайлов // Нева. – 1960. – №2. – С. 188-189.
3. Поликарпов С. Счастье ремесла / С. Поликарпов // Москва. – 1959. – №10. – С. 211-212.
4. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 6-ти тт. / Александр Сергеевич Пушкин. – М.: Правда, 1969. Т. IV. – 478 с.
5. Самойлов Д. Избранное: в 2-х тт. / Давид Самойлов. – М.: Художественная литература, 1989. Т. I. – 559 с.
6. Чернов А. Открытый слог / А. Чернов // Литературное обозрение. – 1986. – №4. – С. 44-47.

Анотація

Н.К. Солошенко-Задніпровська. Особливості сприйняття спадщини О. Пушкіна в ранніх віршах Д. Самойлова.

У статті аналізується пушкінська спадщина на прикладі ранньої збірки віршів «Ближние страны». Доводиться, що пушкінська тема виникає у поета вже з перших його віршів, де починається діалог з Пушкіним, що тривав на протязі усього творчого шляху. Прихильність поета пушкінській темі, «слову», створенню його образу, а також пушкінському історизму, представленні як невід'ємна складова художньої системи поета, але вся ця система глибоко індивідуальна.

Ключові слова: спадщина, образ, історизм, пушкінська традиція.

Аннотация

Н.К. Солошенко-Заднепровская. Особенности восприятия наследия А.Пушкина в ранних стихотворениях Д. Самойлова.

В статье исследуется пушкинское наследие в ранней поэзии Д. Самойлова на примере книги стихов «Ближние страны». Доказывается, что пушкинская тема возникает у поэта с первых его стихотворений, где начинается диалог с Пушкиным, продолжавшийся на протяжении всего творческого пути. Приверженность поэта пушкинской теме, «слову», созданию его образа, а также пушкинский историзм, представлены как неотъемлемая составляющая художественной системы поэта, но вся эта система глубоко индивидуальна.

Ключевые слова: наследие, образ, историзм, пушкинская традиция.

Summary

N.K. Soloshenko-Zadneprovskaya. Features of perception of A.Pushkin's heritage in D. Samoilov's early poems.

In article the Pushkin's heritage in D. Samoilov's early poetry is investigated on the example of the book of verses "Ближние страны". It is proved that the poet arises Pushkin's subject by his first poems where he started the dialogue with Pushkin, proceeding throughout his career. The poet's commitment to the Pushkin's subject, "word", creation of his image, and also Pushkin's historicism, are presented as the integral component of the poet's art system, but this whole system is deeply individual.

Key words: heritage, image, historicism, Pushkin's tradition.